

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТРАБОНОВОЙ ВЕРСИИ ИСТОРИИ АРМЕНИИ*

Кандидат историч. наук А. А. СТЕПАНИН

Логос Армении в «Географии» Страбона выделяется ярко выраженной целостностью и соразмерностью его основных компонентов—географии, этнографии и истории¹.

Свой рассказ о Великой Армении Страбон начинает с ее географии. В этой связи он в первую очередь обрисовывает ее границы со всеми сопредельными странами: Месопотамией, Мидией, Иберией, Албанией, Каппадокией, Коммагеной. Далее, перейдя к самой стране, автор подробно описывает ее горы и долины, реки и озера, города и дороги, параллельно сообщая любопытные факты относительно ее животного и растительного мира. Особого внимания заслуживают сведения о природных богатствах страны. Своей достоверностью выделяются известия, в которых речь идет об административном делении армянского государства.

Считая все это достаточным, автор переходит к этнографии. В сведениях по этому вопросу он задался целью дойти до «корней» этноса армянского и приводит известную в древности легенду о происхождении армян от мифического Армена. Уроженец фессалийского города Армения, он сопровождал Иасона в далекую Колхиду за золотым руном. Его приверженцы и потомки поначалу заселились в западных и юго-западных областях Великой Армении—Аклисене, Сиспиритиде вплоть до Калахены и Адиабены,—далее постепенно освоив всю территорию этой страны². Как показывают новейшие исследования, сведения эти отражают историческую действительность: именно в этих областях начался процесс взаимного слияния местных и пришлых индоевропейских племен, в результате которого выкристаллизовалась но-

* Настоящая статья является продолжением работы: А. А. Степанян, Вопросы теории государства в «Географии» Страбона и «логос» Армении, «Историко-филологический журнал», 1978, № 1.

¹ О жанре логоса, его структурно-смысловых особенностях подробнее см. K. Trüdinger, Studien zur Geschichte griechisch-römische Ethnographie, Basel, 1918, стр. 172—175; W. Koppers, Das Problem der Universalgeschichte in Lichte von Ethnologie und Prähistorie, „Anthropos“, LII (1957), стр. 75—78; A. Breibart, Weltgeschichte als Thema der antiken Geschichtsschreibung, AHN, I (1966), стр. 9—11.

² Strabo, XI, 14; см. Страбон, География, пер. с греч. Г. А. Стратановского, Л., 1964.

вая этническая целостность—армянский народ³. По ходу своего повествования Страбон освещает и некоторые весьма существенные детали этого процесса, что в значительной степени обогащает наши представления об этногенезе армян. Автор сообщает любопытные сведения о нравах и обычаях народа; весьма ценны заметки о его религии и духовной жизни.

Что касается исторической части логоса Армении, то она уникальна. Это прежде всего обусловлено стремлением Страбона охватить всю историю этой страны. Он, пожалуй, единственный из античных авторов, который задался целью проследить динамику развития армянского общества с древнейших времен до своих дней⁴.

Как мы имели случай заметить, история по Страбону начинается с момента образования гражданских коллективов. Дальнейшее развитие общества определяется логикой динамики его политических форм, приводящих его то к небывалому расцвету, то к упадку. Рассматривая «новейшую» историю Армении с этой точки зрения, Страбон отчетливо различает в ней упомянутые противоположные стадии развития. И все дальнейшее повествование автора в сущности является раскрытием особенностей последних с учетом специфических условий армянской действительности.

Итак, начнем с рассмотрения первой стадии—стадии расцвета армянского государства.

1. Расцвет государства Великой Армении

В распоряжении Страбона имелся, по всей вероятности, довольно значительный фактический материал по истории Армении⁵. Однако он не спешил полностью использовать его; как выяснится далее, причиной этого была не только ограниченность размеров логоса. Подбор фактов по данному вопросу автором произведен по строго определенному плану, в котором, естественно полагать, нашли отражение основные принципы его мировоззрения. Именно этим обусловлена исключи-

3 В. С. Երեմյան, Հայաստան-Ազգի ցեղային միությունը, «Հայ օրագրորդ պատմություն», հատ. I, Երևան, 1971, стр. 189—194; его же, Հայերի ցեղային միությունը Արմեն-Շուպրիա երկրում, там же, стр. 230—245.

4 Исключение составляло сочинение Помпея Трога Historiae Philippicae, где автор, реализуя свою программу по созданию очерка мировой истории, подробно описывал развитие государственной жизни народов, создавших «глобальные империи». Среди последних достойное место, по автору, занимала держава Тиграна II Великого и в этой связи он подробно излагает историю Армении начиная с древнейших времен. См. E. Schreider, De Pompei Trogi Historiarum philippicarum consilio et art, Weide Thuringorum, 1913, стр. 13—19; L. Ferrero, Struttura e metodo dell' Epitoma di Giustino, Torino, 1957, стр. 15—21; F. Altheim, Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter, Bd. I, Halle, 1947, стр. 10.

5 На это ясно указывает сам автор, отмечая, что «новейшую» эпоху истории Армении он излагает лишь в главных чертах, не вдаваясь в подробности. См. Ե. Ս. Երեմյան, Հայկենիական դարաշրջանի Հայաստանը և Մոսկու հորինացին, Երևան, 1966, стр. 234.

тельная важность правильной интерпретации этого изначального плана. Помимо всего прочего, она даст возможность проникнуть в «творческую лабораторию» Страбона, что составляет основную задачу настоящей статьи.

Расцвет армянского государства, согласно Страбону, был связан с периодом правления Артаксия-Арташеса (189—164 гг. до н. э.) и Зариадрия-Зареха; до этого страна находилась под господством сначала Ахеменидов, а затем Селевкидов⁶. Сами Артаксий и Зариадрий были военачальниками Антиоха III Великого (223—187 гг. до н. э.), последнего из селевкидских правителей, пытавшихся восстановить бывшее могущество своего государства. Планы царя, впрочем как и планы его предшественников, оказались тщетными, и это стало особенно наглядным после поражения, которое он потерпел от римлян (189 г. до н. э.). Событие это в сущности ознаменовало начало окончательного разложения некогда обширной державы: многие правители, дотоле признававшие свою вассальную зависимость от Селевкидов, заявили о своей независимости⁷. Среди них были и Артаксий и Зариадрий, прежде правившие в Армении «по поручению» селевкидского царя. Вскоре они вступили в дружественные отношения с Римом, закрепив таким образом свое международное положение⁸.

Иными словами, по замыслу Страбона, «новейшая» история армянского народа начинается в результате великого конфликта, разыгравшегося между царством Селевкидов и Римом. Конфликтная ситуация, согласно концепции автора, вызвана противоположностью двух государственных систем, находившихся в качественно разных стадиях развития. Противоположность эта Страбоном доводится до крайней полярности, где на одном полюсе находятся расцвет, законность и гармония, а на другом—упадок, хаос и тирания. В этом свете события, связанные с образованием армянского государства, выглядят следующим образом: отложившись от атаксии (царства Селевкидов), Великая Армения примкнула к евтаксии (Риму). Ее отношения с этим государством Страбон, как это ему свойственно, выражает с помощью полярных мыслительных конструкций—конструкций антиподальности и симметрии⁹.

⁶ Strabo, XI, 14, 15.

⁷ J. Kaerst, *Geschichte des Hellenismus*, Bd. II, Leipzig, 1927, стр. 172—175; H. Bengtson, *Die Strategie in der hellenistischen Zeit*, Bd. II, München, 1944, стр. 255—261; M. Rostovtzeff, *The social and economic history of the hellenistic world*, Oxford, 1959, стр. 695—704; H. Schmitt, *Untersuchungen zur Geschichte Antiochos des Grossen und seiner Zeit*, Wiesbaden, 1964, стр. 7, 66, 142.

⁸ Strabo, XI, 14, 15.

⁹ Отвлеченно-полярное восприятие мира характерно для Средней и особенно Поздней Стои. Реальность ею сводится в сущности к сумме ассоциативных (симметрических) и диссоциативных (антиподальных) отношений. См. W. Nestle, *Griechische Geschichtsphilosophie*, AGPh, XLI (1932), стр. 98; L. Edelstein, *The philosophical system of Posidonius*, ATPh, LVII (1936), стр. 319; M. Reesor, *The stoic categories*, AJPPh, LXXVIII (1957), стр. 66; A. Long, *Aristotle's legacy to stoic ethics*.

Антиподальностью отмечены отношения армянского государства с царством Селевкидов. Страбон передает это путем противопоставления друг другу Антиоха III Великого и армянских царей—Артаксия и Зариадрия. Правда, противопоставление это не носит ярко выраженный характер, но тем не менее его нетрудно проследить.

Характеристики, к которым Страбон прибегает с целью создания образа Антиоха III, весьма скудны; трудность составляет и то, что они разбросаны по всей «Географии». Однако при их сопоставлении выявляется образ тирана, деятельность которого была отмечена полным беззаконием. Эту мысль Страбон подчеркивает, ставя Антиоха в один ряд с македонскими царями Филиппом V и Персеем, известными своим безрассудством и эгоизмом¹⁰.

Уже сам факт войны селевкидского царя против Рима, согласно концепции Страбона, свидетельствует об отсутствии связей царя с судьбой. Это более чем важно, ибо наличие таких связей—признак законности власти каждого правителя. Развивая эту мысль, Страбон приводит любопытный факт из жизни Антиоха III: в Элимее царь попытался ограбить храм верховного божества Бела, за что был убит¹¹. Помимо чрезмерного сребролюбия и алчности, этот факт свидетельствует о том, что селевкидский царь был весьма далек от воплощения божественной гармонии (Закона), ибо храм и храмовое священнодействие в глазах древних—материализация духовного влечения как личности, так и народа в целом в сферу божественного.

Итак, Антиох III Великий самый настоящий тиран и в его деятельности, согласно Страбону, существовало полное соответствие между личностью царя и государством, которое он представлял.

Этим моментом характеризовалось и правление армянских царей. Однако в армянской действительности соответствие проявилось в диаметрально противоположной форме—и Артаксий, и Зариадрий были идеальными правителями, а государственная жизнь Великой Армении при них находилась в состоянии полного расцвета.

Артаксий и Зариадрий, по Страбону, были творцами армянского образа жизни (ἐνταξίᾳ τῶν Ἀρμενίων), закона, гармонизовавшего социальную активность армян в рамках единой национальной жизни. До правления этих царей Великая Армения в политическом отношении была раздроблена; ее отдельные области находились под господством соседних народов. Придя к власти, Артаксий владел всего лишь зем-

BICS, XV (1968), стр. 76—77; F. K u l l e n, Seneca und die römische Geschichte, München, 1972, стр. 75. В исторической литературе эти идеи нашли более яркое проявление в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха. Экумена здесь рассматривается в виде двух противоположных сфер: сфера гармонии—греко-римский мир, и сфера хаоса—мир варварский. В соответствии с этим первый из них описывается как сочетание симметрических, второй—антиподальных отношений.

¹⁰ Strabo, VI, 4, 2.

¹¹ Strabo, XVI, 1, 18.

лями, «расположенными вокруг Артаксаты», а Зариадрий—Софеной. Путем суровых войн царям удалось за сравнительно короткое время объединить всю страну, отвоевав у соседей Каспиану, Фавнитиду, Басоропеду, Гогарену, Каренитиду, Аклисену, Таморитиду¹².

Как видим, завоевание независимости в Армении было сопряжено с процессом значительного созидания. Это свидетельствует о наличии у Артаксия и Зариадрия основных качеств, характерных для идеальных правителей¹³. В этом отношении прежде всего следует говорить об их великом благодеянии (εὐεργεσία), выведившем армян из сферы хаоса в гармонию политической и социальной жизни.

В деятельности армянских царей успешно переплетались два момента—принуждение (κράτος) и ориентация на общенациональные ценности (ἔθος). Это обстоятельство в свою очередь свидетельствует о наличии у них умеренности (μετρία), что является основой справедливости (δικαιοσύνη) каждого истинного правителя. Согласно этике стоицизма, именно это качество связывает идеального правителя с мировым разумом или судьбой, реальным воплощением которой являлось государство римлян. Подобным образом Страбон как бы завершает «логический цикл», подводя своих читателей к идее о неминувности процесса армяно-римского сближения¹⁴.

Отношения этих народов, как указывалось выше, определялись симметрией; она отражала известную идентичность их социального развития в первой половине II в. до н. э.—оба народа находились в состоянии полного расцвета¹⁵. Однако если расцвет для Рима, по концеп-

¹² Strabo, XI, 14, 5. О воссоединении разрозненных армянских земель подробнее см. Հ. Մանանդյան, Քննական տեսություն հայ ժողովրդի պատմության, հատ. I, Երևան, 1944, стр. 116—118; R. Grousset, Histoire de l'Arménie: des origines à 1071, Paris, 1947, стр. 80—82; С. Toumanoff, Studies in christian caucasian history, Georgetown, 1963 стр. 74—75, 449; Գ. Ռ. Սարգսյան, Հայաստանի միավորումը և հզորացումը Սրտաշես Ա-ի օրոք, «Հայ ժողովրդի պատմություն», հատ. I, стр. 350—354; его же, там же, стр. 167—172.

¹³ Созидание, согласно этике стоицизма,—один из основных атрибутов мирового разума. Его наличие в деятельности того или иного государственного мужа—явный признак идеального характера власти последнего. См. I. von Arnim, Stoicorum veterum fragmenta, Bd. I, Leipzig, 1903, фр. 206, 208; E. Zeller, Grundriss der Geschichte der griechischen Philosophie, Leipzig, 1914, стр. 159; E. Goodenough, The political philosophy of hellenistic kingship, JCS, I (1928), стр. 84—85; M. Reesor, указ. соч., стр. 62.

¹⁴ В концепции Страбона армяно-римское сближение выглядит как неотъемлемая часть исторического процесса, введившего экумену в сферу «благоденствия» и «вечного мира». В этом отношении, несмотря на свою более локальную значимость, оно соотносимо с «освобождением» Греции, разрушением Карфагена или победой над Антиохом III Великим. Такое понимание истории Армении автор несомненно заимствовал у Полибия, в сочинении которого указанные события представлены в неразрывной связи. Ср. P. Pédech, La méthode historique du Polybe, Paris, 1964, стр. 36—37; F. Taeger, Die Archeologie des Polybios, Stuttgart, 1922, стр. 96—98.

¹⁵ Симметрию эту автор, конечно, мог бы продемонстрировать и в личностном плане, сопоставив римских и армянских правителей. Однако он отказывается от по-

ции автора, был обычным состоянием функционирования его социального организма, то для Армении—всего лишь преходящим этапом. За ним предстоял неизбежный упадок.

2. Упадок государства Великой Армении

Разделением истории армянского государства на стадии расцвета и упадка Страбон имеет целью вписать ее в свою общенсторическую концепцию. Он стремится представить путь развития этого государства стереотипным, чтобы получить основание утверждать, что завоевание римлянами Великой Армении отвечало интересам в первую очередь армян, ибо «освобождало» их от величайшего зла—беззакония и тирании. Для реализации этой части своего изначального плана Страбону необходимо было показать, что на смену идеальным правителям в Армении к власти пришли тираны и что их появление—результат закономерного развития армянского общества.

Успешное решение этих задач для Страбона представляет особую важность, ибо дает ему возможность говорить о закономерности установления римского владычества в этой стране. Идея эта, с точки зрения автора, является основополагающей для логоса Армении, и не удивительно, что ее всестороннему обоснованию он уделяет столь большое внимание.

Упадок армянского государства, по Страбону, наступил с воцарением Тиграна II Великого (95—56 гг. до н. э.) и особенно прогрессировал в период правления его преемника Артавазда II (56—34 гг. до н. э.). За этот промежуток времени армяно-римские отношения претерпели коренные изменения—из дружественных они выродились в антагонистические¹⁶. Антагонизм между Арменией и Римом (в связи с образованием империи Тиграна II) стал главным фактором политической истории Передней Азии. Ясно сознавая это, Страбон рассматривает главные события данного периода в свете отношений указанных государств¹⁷.

В этой связи правление упомянутых армянских царей автором представляется в виде конфликтных ситуаций, сложившихся между царством Великой Армении и Римом. Причем Страбон в характерной для него манере персонифицирует эти ситуации, выставляя их как противоречия правителей-антиподов, воплощавших собой полноту государствен-

добного развития своего повествования, вероятнее всего из-за ограниченности возможностей логоса.

¹⁶ Strabo, XI, 14, 15.

¹⁷ Там же. Созданная Тиграном II Великим держава носила космократический характер. Она в сущности ознаменовала новую стадию политической организации Передней Азии—рах агмениса. Столкновение армянского царя с Римом являлось переходом к следующей стадии—рах готапа, при этом указанный регион вводился в состав глобальной политической системы, охватывавшей большую часть обитаемого мира. См. С. Топтапофф, указ. соч., стр. 75.

ной власти Армении и Рима. В соответствии с этим он противопоставляет друг другу, с одной стороны, Лукулла и Тиграна II Великого, с другой—Антония и Артавазда II. В этих противоположностях, по замыслу Страбона, раскрываются важнейшие сдвиги армянского общества, приводившие, уже в эпоху Августа, к установлению прочного римского диктата над царством Великой Армении.

Начнем с рассмотрения первой пары антиподов.

а) Антиподальная конструкция Лукулл—Тигран II Великий

Известный римский военачальник и государственный деятель Луций Лициний Лукулл в «Географии» Страбона фигурирует редко: сведения о нем носят случайный и фрагментарный характер. Тем не менее они выявляют довольно значительные штрихи его портрета, дающие возможность составить о нем в известной мере целостное представление.

Деятельность этого знаменитого мужа, согласно Страбону, была отмечена великодушием и справедливостью не только к друзьям и союзникам, но и к неприятелям. Так, захватив Синопу—столицу державы Митридата Евпатора, он оставил ее в целостности и сохранности. Более того, город был освобожден от злостного тирана, парализовавшего в течение ряда лет нормальную социальную жизнь его общины¹⁸. Подобное благодеяние, по представлению Страбона, наблюдалось и при взятии столицы армянского царства—Тигранакерта: Лукулл освободил жителей двенадцати греческих городов, насильственно переселенных туда Тиграном II, и распустил их по родным местам¹⁹. В деятельности Лукулла эти случаи не единичны. В период своей восточной кампании знаменитый римлянин всюду выступал в роли защитника суверенных прав местных народов, связывая их с Римом узами вечной «дружбы» и «союза»²⁰.

С точки зрения концепции Страбона, Лукулл выступал в качестве своего рода посредника между судьбой и реальным миром, ибо способствовал воплощению в жизнь Неизбежного—образованию римской империи, имевшей тенденцию объединить весь обитаемый мир. Именно это имеет в виду автор, иллюстрируя следующую деталь биографии своего героя: на собственные средства им был сооружен в Риме великолепный храм богини Фортуны, олицетворявшей социальное единство римского общества²¹.

Все это говорит о том, что Лукулл был в сущности неписанным законом (*νόμος ἐρμηνεύς*), и в его деятельности ясно прослеживалось оп-

¹⁸ Strabo, XII, 3, 11.

¹⁹ Strabo, XI, 14, 15.

²⁰ M. Gelzer, „Licinius (Lucullus)“, RE, Bd. XII, Hfb. I, стлб. 101—102; W. Drumann, Geschichte Roms, Bd. II, Leipzig, 1906, стр. 39—40; A. Heus, Römische Geschichte, Braunschweig, 1969, стр. 248; K. Ziegler, Die Beziehungen zwischen Rom und Partherreich, Wiesbaden, 1964, стр. 47.

²¹ Strabo, VIII, 6, 23.

тимальное соответствие личности правителя и политической системы его страны: будучи идеальным правителем, он представлял идеальное государственное устройство Рима.

Перейдем теперь к анализу образа Тиграна II Великого. Уже сама логика антиподальной конструкции указывает на то, что образ армянского царя построен на диаметрально противоположной основе. Это становится очевидным при рассмотрении сведений автора о его бурной жизни и политической деятельности. Свой рассказ о Тигране II Великом Страбон начинает с отрицания его устойчивых связей с судьбой, отмечая, что ему на долю выпало испытать различные превратности судьбы²². Только этот факт достаточен для утверждения того, что у Страбона армянский царь представлен самым настоящим тираном. Автор стремится доказать это на примере всей его деятельности.

В начале своего долголетнего правления Тигран II взял курс на завершение процесса объединения Великой Армении в состав единого национального государства. Покончив с независимостью Софены, царь преодолел последнее препятствие на этом трудном пути. Казалось, что он продолжает традиции былых идеальных правителей этой страны, для которых величайшим благом являлось всеобщее благодеяние²³. Однако вся дальнейшая деятельность царя, согласно Страбону, свидетельствует о противоположном: он не направил своих усилий на благоустройство собственной страны, но стал проводить политику внешней экспансии. Грубо попирая суверенные права соседних народов, он подчинил своей власти большинство стран Передней Азии. Желая подчеркнуть незаконный характер подобных действий, Страбон расценивает их как опустошение и разрушение соседних стран, сопровождавшееся, как указывалось, насильственным переселением их жителей²⁴. Говоря иначе, армянский царь вносил в мир элемент хаоса, и его громадная держава была воплощением великой атаксии,—вот основная идея, которую автор стремится внушить своим читателям.

Такое понимание внешней политики Тиграна II Великого служит Страбону исходным пунктом для оценки его внутренней политики. В этой связи автор особо подчеркивает следующее обстоятельство: в виде контрибуции армянский царь выплатил Гнею Помпею шесть тысяч талантов серебра, дав каждому воину по пятьдесят драхм, центурионам—по тысяче драхм, гиппархам и хилиархам—по таланту²⁵. Согласно этическим взглядам Страбона, эти сведения содержат неопровержимое доказательство несправедливости (*ἀδικία*), сребролюбия (*φιλαργυρία*) и неумеренности (*ἀσώτεια*) Тиграна II. Мы уже имели случай говорить о строго негативном отношении Страбона к богатству, за ис-

²² Strabo, XI, 14, 15: τοῦτοις δὲ τυράντοις ποικίλονται.

²³ Там же.

²⁴ Там же; ср. XI, 1, 9.

²⁵ Strabo, XI, 14, 10.

ключением лишь тех случаев, когда оно являлось средством благодеяния. Лучшим примером могут служить пергамские цари: захватив огромное богатство Лисимаха (одного из диахов Александра Македонского), они стали употреблять его в целях процветания своего государства. Атталиды всячески выказывали знаки любезности к собственному народу и вскоре Пергам стал известен на весь мир своими великолепными сооружениями, парками, знаменитой библиотекой²⁶.

Что касается богатства Тиграна II, то оно не обрело форму благодеяния, а осталось праздной роскошью: даже свою столицу, как указывалось, он строил за счет разорения соседних народов²⁷. Из сказанного нетрудно вывести, что богатство армянского царя служило только целям удовлетворения его честолюбия и противопоставления его личности безликой массе подданных. Это в свою очередь свидетельствует об отсутствии социального единства в армянском обществе. Такое положение вещей, по этике Страбона, свойственно обществам, незнакомым со священным законом (*ἱερὸς νόμος*), явившимся проявлением природной гармонии в социальной жизни.

На основании всего сказанного Страбон получает возможность утверждать, что в период правления Тиграна II, вопреки широкой внешней экспансии, армянское государство переживало глубокий кризис — на смену его процветанию (*ἀρχή*) пришел неизбежный упадок (*σφραγή*). Следовательно, в образе антиподальных личностей Лукулла и Тиграна II Страбон противопоставляет друг другу два мира — миры гармонии и хаоса. И в этой связи победе Рима над Арменией он приписывает великий созидательный смысл, подобно победам, одержанным им над Карфагеном, Египтом, Македонией²⁸. Она отражала тенденцию мирового исторического процесса и была настоящим благом для всех народов Передней Азии, ибо освобождала их от тирании, приобретающей всеобъемлющий характер, — такова идеологическая задача Страбона в антиподальной конструкции Лукулл — Тигран II Великий.

Для успешного решения этой задачи Страбон не останавливается перед умышленным искажением даже широко известных фактов. В этом отношении весьма характерно следующее обстоятельство: описывая деяния Тиграна II, автор избегает противопоставлять ему последних представителей Селевкидов, невзирая на общеизвестность того, что именно он искоренил их династию. Тиранический характер армянского царя Страбоном не раскрывается, как свойственно автору, путем постоянной антиподации его образа²⁹. И это делается отнюдь не без умысла, ибо в противном случае автор был бы вынужден скомпоновать новую анти-

²⁶ W. Weber, *Zur Geschichte der Monarchie*, Tübingen, 1919, стр. 206; A. Heuss, *Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren staats- und völkerrechtlichen Beziehungen*, Leipzig, 1937, стр. 119; M. Rostovtzeff, указ. соч., стр. 553—558; E. Hansen, *The Attalids of Pergamon*, New York, 1947, стр. 22, 68, 156 и др.

²⁷ Strabo, XI, 14, 15.

²⁸ Strabo, VI, 4, 2; XVII, 1, 11; XVII, 3, 15.

²⁹ Strabo, XI, 14, 15.

подавальную конструкцию, отражавшую конфликт между Великой Арменией и эллинистической Сирией. В ней Селевкиды, известные своим распутием и беззаконием — это обстоятельство Страбон подчеркивает неоднократно, — естественно, должны были фигурировать как тираны, а армянский царь — как идеальный правитель, освободивший народы Передней Азии от насилия и полного хаоса. Вывод этот звучит особенно убедительным, если учесть уверения автора, что в первой половине I в. до н. э. государство Селевкидов находилось в состоянии полного хаоса³⁰.

Заметим, что именно в этом аспекте интерпретируется положение вещей у некоторых античных авторов, в частности у Помпея Трога. Согласно его сведениям, армянский царь был даже приглашен занять престол Селевка Никатора. Изнуренные вечными раздорами своих правителей, сирийцы обратились к нему, ибо были уверены, что только под началом Тиграна II возможно восстановление мира и благоденствия их страны³¹. Однако такой ход событий для Страбона явно неприемлем. Он лишил бы его возможности изобразить римскую экспансию в Передней Азии как великую освободительную миссию. В связи с этим антиподавальная конструкция Лукулл—Тигран II потеряла бы свой смысл: стало бы очевидным, что положение дел в государстве Великой Армении было весьма далеко от состояния упадка, а державу, созданную усилиями его энергичного правителя, вряд ли можно оценивать как воплощение хаоса и беззакония. Это в свою очередь дало бы основание говорить о том, что поход Лукулла был актом грубого и ничем не обоснованного вмешательства римлян в дела Передней Азии.

В свете всего сказанного становится ясным, почему в логосе Римма, созданном Страбоном с целью обоснования его «всемирно освободительной миссии», ничего не говорится о войне с Тиграном II³². Автор стремится убедить читателей в том, что римляне установили свою гегемонию в Передней Азии еще в начале II в. до н. э., в результате победы, одержанной ими над Антиохом III Великим. Этим как бы зачеркивается более чем вековой период истории эллинистической Сирии и сопредельных стран.

Искажению подверглись и те стороны деятельности Тиграна II, которые непосредственно не относились к сфере армяно-римских отношений. В этих случаях Страбон имел целью добиться максимальной целостности в создании портрета армянского царя как типичного тирана.

³⁰ Strabo, VI, 4, 2; XIV, 5, 2; XVI, 2, 36. Ср. E. Meyer, *Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien*, Berlin, 1925, стр. 131—132; M. Rostovtzeff, указ. соч., стр. 841; А. Б. Рапович, *Эллинизм и его историческая роль*, М., 1950, стр. 133.

³¹ Pomp. Trog. in Just. Epitoma, XI, 1, 1—3; Հ. Առաքյան, *Փայտրախնձ գերաբերություններ քննելու Հայաստանի և Հռոմի մասին*, 1912, стр. 39—40; Հ. Առաքյան, указ. соч., стр. 152; R. Grousset, указ. соч., стр. 89; Գ. Խ. Սարգսյան, *Հայաստանը աշխարհագրական տեսանկյունից*, Տիգրան Բ, «Հայ ժողովրդի պատմություն», հատ. I, стр. 564.

³² Strabo, VI, 1, 2.

Сказанное, в частности, относится к политике насильственного переселения граждан автономных городских общин Малой Азии и северной Месопотамии.

Истари государственная жизнь мыслилась греками как некая гармония сосуществования, а далее и слияния различных общин в состав единого гражданского коллектива — полиса³³. Однако при Александре Македонском полисной форме общежития приписывалось новое функциональное значение — она должна была стать способом синтеза восточного и эллинского образов жизни. В соответствии с этим появилось множество городов со смешанным составом населения³⁴. Такая практика, однако, была отвергнута преемниками Александра. Это было вызвано тем, что в своих государствах они не стремились добиться органического единства их этнических и социальных компонентов. Государства эти оставались формой господства победителей, македонян и греков, над побежденными — народами Востока. Поэтому трудно их называть нормальными формами политической организации общества: в сущности это были скорее всего военно-политические ситуации, и именно здесь кроется одна из главных причин их упадка³⁵.

При рассмотрении политики Тиграна II на этом фоне оказывается, что армянский царь был последователем традиций Александра Македонского. Он намеревался создать сильную и монолитную державу, где исключалась возможность противопоставления одной части ее населения другой. Воплощением этой идеи была его столица Тигранакерт, где сосуществовали армянская, греческая, еврейская общины³⁶. Иными словами, посредством «опустошения» и «разрушения» армянский царь вносил в политическую организацию Передней Азии элемент сдвига. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в антиподальной конструкции Лукулл — Тигран II Великий мало достоверного; Страбон сомневался в ее исходя целиком из интересов восточной политики римского государства.

Перейдем к рассмотрению второй пары антиподов.

³³ G. Busolt, Griechische Staatskunde, Berlin, 1920, стр. 11; M. Pohlenz, Staatsgedanke und Staatslehre der Griechen, Leipzig, 1923, стр. 21; W. Jünger, Griechische Staatsethik im Zeitalter des Plato, Berlin, 1928; T. Sinclair, A history of greek political thought, London, 1951, стр. 34; G. Sabine, A history of political theory, Oxford, 1951, стр. 14; V. Ehrenberg, Der Staat der Griechen, Bd. II, Leipzig, 1957, стр. 52.

³⁴ P. Jouguet, L'imperialisme macédonien et l'hellénisation de l'Orient. L'évolution de l'humanité, Paris, 1926, стр. 198—205; M. Rostovtzeff, указ. соч., стр. 475—476; F. Sacher-meyr, Alexander der Grosse, Wien, 1949, стр. 161—167.

³⁵ A. Toynbee, Some problems of greek history, Oxford, 1971, стр. 458, 485—487; F. Sacher-meyr, Alexander in Babylon und die Reichsordnung nach seinem Tod, Wien, 1970, стр. 25—26.

³⁶ Г. Х. Саркисян, Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин, М., 1960, стр. 108; Մ. Մ. Կրկյաշարյան, Հին Հայաստանի և Փոքր Ասիայի բնակավայրերի պատմության գրական, երկան, 1970, стр. 116—117.

б) Антиподальная конструкция Антоний—Артавазд II

В построении портрета того или иного деятеля Страбон как правило проявляет должную последовательность, приводя в строгое соответствие все штрихи его характера, где бы они ни встречались в его огромном труде. Подобным образом созданы портреты и Лукулла, и Тиграна II,—этого требует учение стоицизма о тождественности однородных качеств как идеальных правителей, так и тиранов³⁷. Детальный анализ образа Антония приводит, однако, к убеждению, что автор изредка допускает исключения из этого строгого правила: известный римлянин им изображается в диаметрально противоположных ролях то тирана, то, правда редко, идеального правителя. Выяснение причин этого явления представляется весьма важным, ибо во многом от него зависит правильная интерпретация второй антиподальной конструкции.

К описанию деяний Марка Антония Страбон обращается довольно часто и в большинстве случаев его личность автором противопоставляется Августу, создателю абсолютной социальной гармонии—*Pax Romana*. Политику Августа он рассматривает как логическое продолжение установившихся в течение веков традиций римской государственной жизни³⁸. Что касается Антония, то он как правило изображается в качестве злостного противника этих традиций, вся деятельность которого была направлена на их искоренение. И получается известный нарративный штамп: после победы над Антонием Август повсеместно восстанавливает мир и благоденствие. Используя этот штамп при описании различных исторических событий, Страбон выявляет все новые и новые черты характера Антония-тирана³⁹.

В своей карьере этот деятель руководствовался, согласно Страбону, лишь эгоистическими соображениями, пренебрегая жизненно важными интересами римского государства. Это стало особенно очевидным в период его пребывания на Востоке. Действуя с позиций грубого военного преимущества, Антоний стремился подчинить своей власти все восточные провинции Рима. И для достижения этой цели он не брезговал никакими средствами: многие его предприятия отмечены непомерной алчностью и безрассудством⁴⁰. Эти качества до такой степени овладели его личностью, что он не останавливался даже перед тягчайшим в глазах древних преступлением—святотатством. Автор демонстрирует случаи ограбления Антонием храмов Геры, Афродиты, фригийского божества Эалта. Страбон уверяет, что римский военачальник похитил «...наиболее прекрасные посвятительные приношения из самых знаменитых храмов»⁴¹.

³⁷ А. А. Степанян, указ. соч., стр. 198.

³⁸ Strabo, VI, 4, 2.

³⁹ Strabo, XII, 2, 11; 3, 6; 3, 14; XIV, 5, 10; 5, 14.

⁴⁰ Strabo, VIII, 4, 1; XVI, 1, 30.

⁴¹ Strabo, XIII, 1, 30; XIV, 1, 14; XIV, 1, 23. Известно, что та же участь постигла и храм армянской богини Анаиды в Аклисене,—*Հ. Մաննիկ զան*, указ. соч., стр. 273.

Из сказанного нетрудно вывести, что Антоний, по Страбону, не имел устойчивых связей со сферой божественной воли. Это в свою очередь указывает на то, что в его деятельности полностью отсутствовал элемент созидательной гармонии — *зотерия*. Элемент этот, по концепции автора, был заложен в основу государственной организации Рима и во многом определял его «историческую миссию»: Рим положил конец стихийному развитию государственных форм от всестороннего расцвета к упадку и в сфере своего влияния установил стабильную однородность нормальных политических режимов — царства, аристократии, демократии⁴². В период же господства Антония, в условиях полного хаоса, стихийное развитие снова взяло верх.

В этот период государства Передней Азии пришли к полному упадку и в них повсеместно установилась грубая тирания. Тираны бесчинствовали всюду и во всем, вплоть до того, что организовывали погромы римских граждан, — как впоследствии выяснилось, не без ведома самого Антония⁴³. Нельзя объяснить этот факт иначе, чем предательством римского военачальника. И это не случайно: в отличие от Лукулла, Антоний не воплощал собой государственную власть Рима. Выражая эту мысль, Страбон неоднократно указывает на то, что знаменитый римлянин действовал «в угоду египтянке». Более того, он фактически причислил себя к сонму былых египетских царей, унаследовав все их пороки; именно это имеет в виду автор, утверждая, что с уничтожением Антония и Клеопатры Август покончил с пьянством и развратом властителей Египта⁴⁴.

Все это дает основание говорить о том, что упадок переднеазиатских государств в период господства Антония был вызван отсутствием у них живых контактов с Римом. Согласно концепции Страбона, деятельность этого государственного мужа выглядит как неестественное препятствие на пути закономерного движения народов Передней Азии в сферу социальной и политической гармонии⁴⁵.

В свете вышеизложенного постараемся проанализировать сведения Страбона о политике Антония по отношению к царству Великой Армении. Победа Лукулла над армянским царством, согласно автору, снова связала его с Римом, и тем самым был положен конец его упадку. Желая особо подчеркнуть эту мысль, Страбон отмечает, что преемник Тиграна II Артавазд II в своем царствовании преуспевал лишь до

⁴² Strabo, VI, 4, 2; VII, 3, 11; VIII, 5, 4; XII, 2, 11.

⁴³ Strabo, XII, 3, 6.

⁴⁴ Strabo, XIII, 1, 30; XVII, 1, 11.

⁴⁵ Стихийное развитие государственных форм предполагает и расцвет некоторых из них. Страбон демонстрирует это на примере Лаодикеи и новонудейского царства. Явление это было вызвано внутренней логикой развития этих государств, и они рано или поздно склонились бы к упадку, не будь падения Антония. Победа Августа снова связала эти государства с Римом и они, согласно Страбону, продолжали оставаться в состоянии расцвета. См. Strabo, XVII, 2, 4; XVI, 2, 46.

тех пор, пока состоял в дружбе с римлянами ('Αρταβάζδης ἐχέμεν τεὸς φίλον ἄνθρωπον φίλος δὲν Ῥωμαίοις)⁴⁶.

Казалось бы, налицо банальный для Страбона случай и можно в общих чертах предопределить дальнейший ход событий: в период владычества Антония государство армянское, потеряв свои контакты с Римом, должно было пережить глубокий упадок, и только победа Августа вернула бы его к прежней устойчивой и процветающей жизни. Однако события эти у Страбона представлены в совершенно ином плане. Согласно автору, при возвышении Антония политическая жизнь армянского общества, действительно, пришла к упадку—царство выродилось в тиранию. Но обращаясь к причинам этого явления, Страбон, как это ни странно, ищет их не в антиримской деятельности Антония, а в личных качествах армянского царя, в котором он видит типичного тирана⁴⁷. Чем же вызвано это противоречие?

Для ответа на этот вопрос нам представляется необходимым детальный анализ всех обстоятельств конфликта Антония с Артаваздом II. А это возможно при раскрытии образов этих государственных мужей такими, какими они фигурируют в логосе Армении, ибо здесь этот конфликт описывается более подробно.

Логос Армении—одно из редких мест в «Географии», где Страбон избегает изображать Антония как тирана. Восточная политика Рима здесь рассматривается как органическое целое, а деятельность этого знаменитого римлянина—как ее неотъемлемый элемент. Этим Страбон ставит Антония в один ряд с лучшими государственными деятелями Рима, в частности с Августом,—и не было ни длительной конфронтации, ни гражданской войны. В этом отношении наблюдаются явные параллели между логосами Армении и Рима: в обоих случаях автор задался целью показать римское господство в незыблемой устойчивости⁴⁸. Это дает основание говорить о том, что Страбон жертвует правдивостью образа Антония ради решения своей основной идеологической задачи.

Что же касается Артавазда II, то его образ лишен внутренней логики: в начале своего царствования он идеальный правитель, но впоследствии вдруг превращается в тирана. Страбон не считает необходимым подробно останавливаться на причине этой метаморфозы, он лишь пытается в качестве таковой выставить «акт измены» Артавазда II. Сваливая на него всю вину поражения Антония в войне против Парфии, автор идет на умышленное искажение фактов: он объявляет армянского царя вершителем всех планов римлян с тем, чтобы его слова о тайных злоумышлениях последнего имели предельный эффект⁴⁹. Но как бы то ни было, измена не может быть признана в качестве причины метаморфозы личности правителя—подобные злодеяния свойственны

⁴⁶ Strabo, XI, 14, 15.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Strabo, VI, 4, 2.

⁴⁹ Strabo, XI, 13, 14.

уже закованному тирану. И в этой связи ничего не остается, кроме констатации того, что с появлением Антония армянский царь по какой-то причине выродился в тирана.

На эту мысль Страбон наводит отнюдь не случайно: при создании образов Антония и Артавазда II он имел целью показать, что вторая антиподальная конструкция в сущности ничем не отличается от первой—опять на противоположных полюсах фигурируют два антипода, с одной стороны идеальный римский правитель, с другой—армянский царь-тиран. Этим автор заставляет своих читателей думать, что при Артавазде II процесс упадка армянского государства действительно продолжался и что римское присутствие в этой стране отвечало в первую очередь интересам самих армян. Подобным образом он стремится узаконить политику Августа, когда это присутствие выросло в гибкую систему римского диктата над Арменией и страной правил ставленники императора⁵⁰.

Однако вряд ли можно считать эти сведения достоверными. Как указывалось, они содержат ряд весьма существенных противоречий, и для восстановления исторической действительности их преодоление, естественно, имеет первостепенную важность.

Рассматривая текст Страбона с этой точки зрения, мы вынуждены признать, что нет решительно никаких оснований для изображения тирана Антония идеальным правителем, как это наблюдается в логосе Армении. Это в свою очередь дает основание говорить о том, что кризис армяно-римских отношений, наступивший с господством Антония, был результатом беззакония и несправедливости его политики. В этом свете образ Артавазда II получает совершенно иное освещение. Армянский царь выделялся среди остальных правителей Передней Азии: он не стал сотрудничать с Антонием, более того, им были приняты конкретные меры против неслыханных действий римского военачальника. Таким образом, Страбон не имел никакого права характеризовать политику Артавазда II как злоумышление, а его самого—как тирана. В действительности армянский царь боролся против тирана Антония и отстаивал независимость своей страны.

Весьма характерно, что этот вопрос именно так и освещен у Корнелия Тацита, знаменитого историографа эпохи принципата. Политика Антония, согласно Тациту, резко противоречила духу римского государственного мышления. Это в полной мере проявилось в Армении; причину конфликта Антония и Артавазда II автор видит в злодеяниях римского военачальника. В соответствии с этим арест и казнь армянского царя (оцениваемые Страбоном как справедливая кара за его предательство) он характеризует как бесчестный поступок⁵¹.

⁵⁰ Strabo, XI, 14, 15.

⁵¹ Tacit. Ann., II, 3. Ср. з. *Արտաշէսի դար*, указ. соч., стр. 279—280; H. Buchheim, Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius, Heidelberg, 1960, стр. 33.

в которой речь идет о тесном кровном родстве Артаксия и Тиграна II (τοῦ μὲν οὖν Ἀρταξίου Τίγρανός τε ἀπόγονος...). Этим утверждением Страбон представляет историю Великой Армении как замкнутый цикл (ἀνακύκλσις), логическим завершением которого было установление над нею прочной системы римского диктата.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ՍՏՐԱԲՈՆԻ ՎԱՐԿԱԾԻ ՄԵԿՆԱԲԱՆՄԱՆ ՇՈՒՐՋԸ

Պատմ. գիտ. բեկնածու Ա. Ա. ՍՏԵՓԱՆՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Ստրաբոնի պատմական կոնցեպցիայի համաձայն Հռոմեական կայսրությանը պատմության բարձրագույն նվաճումն էր: Նրա օրինաչափ ձևավորումը համընկավ պատմական մի ժամանակաշրջանի հետ, երբ աշխարհի բոլոր մեծ պետությունները, ապրած լինելով իրենց ծաղկումը, այժմ (մ. թ. ա. II—I դդ.) գտնվում էին քայքայման և անկման վիճակում: Հետևաբար, եզրակացնում է հեղինակը, գրավելով այս պետությունները՝ Հռոմը փրկում էր ժողովուրդներին տեղական բռնապետների ճնշումից:

Այս սխեման Ստրաբոնը տարածում է նաև Հայաստանի վրա: Նա ձգտում է ցույց տալ, որ Մեծ Հայքի պետությունը ունեցել է իր ծաղկումը և անկումը, և որ վերջինիս տարերային էվոլյուցիայի այս հրկու փուլերը կապված են իրար հետ անբաժանելի, օրգանական կապով: Այս տեսանկյունից հեղինակի համար չափազանց կարևոր է ցույց տալ, որ Տիգրան II-ի և Արտավազդ II-ի կառավարման ժամանակաշրջանում հայկական պետությունը գտնվում էր անկման վիճակում: Իր այս նպատակին հասնելու համար նա օգտվում է հետևյալ հակոտնյա մտածական կոնստրուկցիաներից՝ ա) Լուկուլլոս—Տիգրան II, բ) Անտոնինոս—Արտավազդ II: Ըստ որում յուրաքանչյուր կոնստրուկցիայի բեկոներում ներկայացված են հակոտնյա անձնավորություններ՝ իդեալական կառավարիչ—բռնապետ:

Լուկուլլոսը ողջ «Աշխարհագրությունում» հանգես է գալիս որպես բարի և օրինավոր կառավարիչ, Տիգրան II-ը՝ բռնապետ: Վերջինիս կերպարը, սակայն, ստեղծված է բռնազբոս միջոցներով: Իրականում հայկական թագավորը հանդես էր գալիս որպես իր երկրի շահերի պաշտպան, իսկ Լուկուլլոսը՝ դաժան բռնապետ:

Նույն բանը պետք է ասել և երկրորդ հակոտնյա կոնստրուկցիայի վերաբերյալ: Արտավազդ II-ը պայքարում էր Անտոնինոսի դեմ, իսկ վերջինս, Հայաստանի լոգոսից բացի, ողջ «Աշխարհագրությունում» հանգես է գալիս որպես բռնապետ:

Այս ամենը իրավունք է տալիս եզրակացնելու, որ հայկական պետության Ստրաբոնի սխեման հեռու է պատմական ճշմարտությունից. ոչ մի հիմք չկա նրա պատմությունը բաժանելու ծաղկման և անկման հակադիր փուլերի: